

УДК 329 (423)

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА И СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА БЕЛЬГИИ*А. М. Барсуков***PROSPECTS FOR RECOVER AND PRESERVATION OF THE UNITY OF BELGIUM***А. М. Barsukov*

В статье автор рассматривает перспективы выхода из кризиса и сохранения единства Бельгии. Отсутствие компромисса между различными региональными партиями стало причиной политического кризиса и камнем преткновения в бельгийской политике. Бельгийский федерализм не интегрировал языковые сообщества на основе единого национального союза. Кризис государства-нации свидетельствует о необходимости выработки новой стратегии модернизации бельгийской модели федерализма в целях избегания распада государства в сердце Европы.

This article examines the prospects for exit of crisis and preservation of the unity of the Belgian statehood. The absence of a compromise between the different regional parties has caused a political crisis and the stumbling block in Belgian politics. Belgian federalism is not integrated language communities on the basis of a single national union. The crisis of nation-states illustrates the need to develop a new strategy of modernizing the Belgian model of federalism for the purpose disable breakdown of a nation-state in the heart of Europe.

Ключевые слова: Бельгия, федерализм, Европа регионов, политический кризис, региональные партии.

Keywords: Belgium, federalism, Europe of regions, political crisis, regional parties.

В процессе многолетнего реформирования государственных институтов Бельгии под давлением этно-региональных движений и политических партий произошла фрагментация общенациональной политической системы с занятием доминирующих позиций этнорегиональными партиями. Режим бельгийской «партократии», имеющей прочную укорененность в регионах, подменил собой интересы бельгийского социума и поставил на грань демонтажа само бельгийское государство. Механизмы формирования политики и принятия политических решений все более подменяются механизмами «торга» между элитами фламандских и фран-кофонных партий за власть, влияние и ресурсы. При этом, если во Фландрии сложилась партократия «картельного типа» (при идеологических различиях между партиями существует консенсус относительно общих целей фламандской политики), то в случае Валлонии можно говорить о складывании партократии «клиентарного типа», когда «сети влияния» Социалистической партии, охватывающие профсоюзы, организации бизнеса, другие общественные организации, способствуют воспроизведению устоявшегося политического порядка и препятствуют необходимой социально-экономической модернизации региона.

При этом, если фламандская элита, сконцентрированная в партиях, была заинтересована в максимальном ослаблении бельгийского государства и его институтов, то элиты Валлонии и Брюсселя заинтересованы в сохранении более сильного единого бельгийского государства, поскольку для поддержания клиентарного порядка в условиях дотационного статуса их регионов нуждались в «перераспределяющем и дотирующем» государственном центре.

В то же время гипертрофированное влияние партократии на уровне общенациональной политики, опирающейся на региональные сети влияния и группы давления, не позволяет выдвинуться лидеру общенационального масштаба, способному консо-

лидировать нацию и государство. Партократии с региональными корнями не были нужны сильные общенациональные институты, а были нужны лишь структуры, находящиеся в клиентарной зависимости от ее власти и влияния. В этих условиях институциональная реформа в Бельгии была изначально обречена на неудачу.

Современный бельгийский кризис представляет собой одновременно кризис бельгийской модели национального государства, институтов, идеологии и взятой за основу социально-экономической модели.

Федерализм, усугубленный господством партократии с устойчивой региональной базой поддержки исчерпал свои институциональные возможности. Он не является решением проблем бельгийской государственности, которые связаны с более глубокими причинами, коренящимися в особенностях бельгийской модели национального государства. Он лишь институционализировал противоречия, существующие внутри бельгийского общества и его политической системы, но так и не смог добиться их смягчения либо устранения.

Пример Бельгии показывает невозможность в полной мере использовать традиционные стратегии урегулирования противоречий в системе институтов общегосударственной власти, отстаиваемые сегодня некоторыми представителями политической теории. В политической науке и в ряде конфликтологических исследований сегодня прочно утвердились модели и стратегии, предполагающие урегулирование и разрешение политических противостоятностей через компромисс. Следуя логике компромисса, в оборот вводится такое понятие, как «признание других» или модель «участия во власти» («разделения ответственности»), предполагающая вовлечение этнических меньшинств и их представителей в систему правительственной ответственности с целью смягчения их политических требований и общего сни-

жения конфликтогенного потенциала [1]. Ранее признанные и апробированные в политической практике концепции урегулирования этнических конфликтов – и прежде всего описанная выше модель «разделения ответственности» (Power-sharing), также известная как консоциализм нуждаются в критическом переосмыслении в контексте проблематики многосоставных обществ, к числу которых относятся и бельгийское. Возвращаясь к исследованиям демократии начала 1970-х годов, следует вернуться к вопросу о том, как нужно рассматривать позиции различных общностей и групп в структуре «многосоставного» общества в процессе осуществления ими политического выбора. Вышеназванные же теории исходят из того, что в целях дальнейшего разрешения этнического конфликта все основные группы «многосоставного» общества должны прийти к консенсусу – в том числе через использование «права вето», пропорциональное представительство основных групп в парламенте, в составе общенационального правительства, а также в рамках различных форм территориального самоуправления.

Нидерландский политолог А. Лейпхарт в своем причисляемом к классическим исследованиям о политической системе и политической культуре Нидерландов показал, что его страна может рассматриваться в качестве демократии только до тех пор, пока она воспринимает существующие в ней конфессиональные и мировоззренческие различия как момент политической конкуренции [2]. В Нидерландах существует опыт самоорганизации различных конфессий и «жизненных миров» в закрытые, изолированные субкультуры, начиная с детского сада, вплоть до университета и места работы, что, в свою очередь, требует соответствующего понимания от элит, призванных примирять противоречия и реализовывать «общие интересы» [3]. Однако масштабы сегментации фламандской и валлонской культур в Бельгии нарастают, в то время как необходимые для обеспечения социально-политической интеграции консоциальные механизмы упорно не складываются, что неизбежно переводит вопрос о существовании единого общества и государства в практическую плоскость.

В то же время концепция «разделения ответственности» может выступать не только как инструмент поддержания конфликтности, но и как средство поддержания процесса «политизации этничности». Ее расширенное толкование ведет к утверждению романтизированной концепции «этнически равноправного общества», что на практике означает развертывание процесса социальной регрессии с деградацией многих ключевых политических институтов. Последнее подтверждается, в частности, современным кризисным состоянием институтов бельгийской федерации, пережившей целую серию реформ в духе концепта «разделения ответственности», которые в итоге завели в тупик сам процесс реформирования бельгийских государственных институтов.

На фоне протекающих дискуссий о судьбах «Европы ста языков и ста флагов», назначении и

судьбах «европейского регионализма», особого и отдельного внимания заслуживают проекты решения «бельгийского вопроса», которые выдвигают сегодня представители различных политических сил страны.

Так, довольно популярной на форумах франкофонного сообщества Бельгии является идея о возрождении унитарной Бельгии с двумя основными государственными языками (нидерландским и фламандским). Однако в условиях прогрессирующего раскола между этнолингвистическими сообществами и регионами и в ситуации ослабления институтов общегосударственной власти эта идея представляет откровенно утопической и нереализуемой.

Существует и проект возрождения «бельгийского единства» на массовой общедемократической основе, который активно продвигает «Народная партия» Филиппа Модрикамена. Народная партия – одна из первых политических партий, которая официально обнародовала манифест и отстаивает идею конфедеративной модели, считая, что разделение страны в обозримом будущем неизбежно. Однако сам проект «реконсолидации Бельгии» в версии Модрикамена имеет откровенно популистский и неконкретный характер, что лишает его необходимой поддержки в обществе, что, в частности, подтверждается невысокими электоральными результатами самой «Народной партии».

Существуют и более проработанные проекты вывода Бельгии из «институционального тупика». Так, например, план Ги Верховстадта, изложенный им в январском послании 2008 года к королю Альберту II, предлагал заключить «новый федеративный пакт», а также реализовать масштабную реформу государственного устройства, «одновременно усиливающую регионы, лингвистические общины и федерацию» [5]. Однако было неясно, как можно осуществить подобный проект в условиях неравенства и глубоких расхождений по принципиальным вопросам между Фландрией и Валлонией, а также в связи с существующим дефицитом федерального бюджета.

Особого внимания заслуживает уже упоминавшаяся нами программа социально-экономической модернизации и «межобщинного компромисса», выдвинутая лидером Валлонского движения реформаторов, прежним министром экономики, вице-премьером уходящего Федерального правительства Дидье Рейндерсом. По его мнению, франкофоны должны были решиться на совместный экономический проект с фламандцами с целью вывода из депрессивного состояния Валлонии и Брюсселя.

Публично заявленная им программа обращена прежде всего к франкоговорящей общине Бельгии, призывает последних уйти от «культуры «нет», поставившей ее в позицию изолянта. По мнению Рейндерса, франкофоны должны решиться на совместный экономический проект с фламандцами с целью вывода из депрессивного состояния Валлонии и Брюсселя. Но при этом, как считает вице-премьер, франкоязычный «Юг» Бельгии должен

разработать и предложить собственную экономическую стратегию.

Однако для реализации этих вполне разумных предложений требуется ряд условий, главными из которых являются отказ фламандцев от односторонней экспансии в направлении Брюсселя и общепольских институтов власти, а также компромисс по основным политическим и социально-экономическим вопросам между франкофонными партиями, которые объективно отсутствуют уже в течение долгого времени.

В отсутствие же стратегического согласия между фламандской и франкофонной общинами каждая из сторон выдвигала более ограниченные проекты реформы, отдающие приоритет региональным интересам. Так, Вильфред Мартене в ноябре 2007 г. представил собственную программу «BPlus», в которой изложил свое политическое кредо: «федерализм союза» должен поддерживать бельгийскую федеративную модель, основываясь на сохранении равновесия в проведении политических реформ [6].

Автором гораздо более проработанного плана институциональной реформы является Марк Эйскенс – видный бельгийский экономист, экс-премьер-министр и один из лидеров партии фламандских демокристов. В соответствии с его предложениями, новый орган общегосударственной власти – Конфедеральный конгресс должен заменить нынешние Палату представителей и Сенат. Конгресс на две трети должен состоять из депутатов, избранных в парламенте трех территориальных субъектов Бельгии и на треть – из избранных по общепольскому округу. Проблема электорального округа Брюссель-Хал-Вилворде решается «автоматически» посредством упразднения общепольских выборов как таковых [7].

Предложенный проект институциональной реформы Эйскенса выражает стремление значительной части общепольской элиты обеспечить «мягкий демонтаж» бельгийского федерализма, перейдя в итоге к конфедерализму. При этом игнорируется тот факт, что последний, став политической реальностью, не будет содержать в себе решения ни одной из современных бельгийских проблем – социально-экономических, лингвистических, проблем миграции и т. д.

Можно вспомнить в этой связи и другие значимые проекты институциональных изменений. В их числе предложение лидеров франкофонов (Д. Рейндерс, Р. Демонт) создать федерацию Брюсселя и Валлонии и «укрепить» Брюссель путем переподчинения ему муниципальных образований на его традиционной периферии. Умеренные фламандские националисты (CD&V и NVA) активно продвигали идею административного переподчинения брюссельской периферии Брабанту и проведение референдума о судьбе Брюсселя. Более умеренные правозащитные силы Фландрии поддерживали решение об институциональной реформе, трансформирующей Бельгию в конфедерацию на договорной основе (молодой лидер фламандских либералов из Open VLD А. де Кроо). Однако ни один из заявлен-

ных подходов не означает решения бельгийского «ключевого вопроса», что дает известные козыри радикалам обеих сторон, призывающим к демонтажу страны по линии «лингвистической границы».

Конструктивный потенциал подобных предложений, как можно заключить, крайне ограничен. Ибо ясно, что и Фландрия, и Валлония не смогут в краткосрочной перспективе стать полноценными государствами – членами ЕС, а выяснение территориальных и иных споров между ними может занять десятилетия; наиболее же сложным может оказаться положение столицы Евросоюза Брюсселя, фактически лишенной периферии и являющегося объектом многочисленных притязаний. Территориальные и межэтнические расколы, разрыв экономических связей в одном из исторических центров Европы нанесут ущерб процессу евроинтеграции в целом.

Единственным путем вывода Бельгии из системного кризиса является переход от конкурентной и параллельной моделей федерализма к его кооперативной модели, опирающейся на разветвленные полифункциональные сети, объединяющие регионы, лингвистические общины и институты местного самоуправления. Именно в пространстве кооперации государства, этнолингвистических сообществ и регионов возможна реализация масштабных программ социально-экономической модернизации, где общегосударственной власти будет отведена роль координатора, а трем регионам Бельгии – роль проводников подобных проектов в жизнь, что в итоге позволило бы реинтегрировать ослабленное сегодня политическое и экономическое пространство страны. Это позволит сделать более прозрачными сложившиеся в сегодняшней Бельгии межрегиональные и межобщинные границы, наполнить федеративные структуры новым содержанием, приступить к формированию качественно новой федеральной публичной политики, не сводящейся только к торгу между политическими элитами регионов за полномочия. В итоге не только отдельные бельгийские регионы, но вся территория страны станет пространством управления различными проблемами – политическими, социально-экономическими, культурно-лингвистическими, утверждая себя как единое пространство публичного действия [8].

При этом нужно помнить, что ключевым условием сохранения единства Бельгии является восстановление и укрепление модели «культурной нации» на наднациональной и культурно-плюралистической основе. Ибо любой лингвистический, этнический и даже коммуналный сепаратизм разрушает Бельгию.

В основу «бельгийского проекта» должна быть положена модель многоуровневой идентичности (общеевропейской, общепольской, национально-лингвистической, коммунальной), которая формируется в рамках социальных сетей соответствующего уровня, пересекающихся в рамках общепольского политического пространства. Данная модель, подкрепленная механизмами межрегиональной кооперации, принципы которой должны распространяться на все уровни власти и управления, призвана дать новый шанс единому бельгийскому государст-

ву. В любом случае, судьба этого проекта будет зависеть от способности умеренных франкофонных и фламандских партий найти устойчивый и неконъюнктурный компромисс. Проводником в жизнь этой новой программы, по мнению автора, вместо заведших страну в глубокий кризис этно-региональных партий должно стать единое общельгийское (наднациональное и надрегиональное движение сетевого типа), опирающееся на профсоюзы, объединения предпринимателей, студенческие организации, инициативу о создании которого выдвинула в 2010 году главный редактор столичной газеты «Le Soir» Беатрис Дельво [9].

В противном случае, распад Бельгии под натиском наступающего этнонационализма становится практически неизбежным. В то время как новая стратегия в случае успеха придаст дополнительный стимул для формирования качественно новой политики федеративного строительства и местного развития не только в пределах Бельгии, но и в масштабах всей Европы. В итоге единая гетерогенная Бельгия, опирающаяся на многоуровневую систему управления с высокой степенью кооперации внутриполитических акторов может стать базовой моделью для строительства «единой Европы».

Литература

1. Schneckener, U. Making Power-Sharing Work: Lessons from Successes and Failures in Ethnic Conflict Regulation [Текст] / U. Schneckener // Journal of Peace Research. – 2002. – № 39. – P. 203 – 228.
2. Lijphart, A. The Politics of Accommodation Pluralism and Democracy in the Netherlands [Текст] / A. Lijphart. – Berkeley: University of California Press. – 1975. – 231 p.
3. Lijphart, A. Democracy in Plural Societies [Текст] / A. Lijphart. – New Heaven and London: Yale University Press, 1977. – 248 p.
4. Vanderbeke, D. La rentree politique de Verhofstadt [Текст] / D. Vanderbeke // Le Soir. – 2008. – 8 Janvier.
5. Delvaux, B. Wilfried Martens, l'«explorateur» a la recherche d'une sortie de crise [Текст] / B. Delvaux // Le soir. – 2008. – 22 decembre.
6. Mabilie, X. La Belgique depuis la Seconde guerre mondiale [Текст] / X. Mabilie. – Bruxelles: Crisp, 2003. – 309 p.
7. Deshouwer, K. The politics of Belgium. Governing a divided society [Текст] / K. Deshouwer. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 256 p.
8. Delvaux, B. Le plan B, au cas ой... [Текст] / B. Delvaux // Le soir. – 2010. – 13 septembre.